

На правах рукописи

ВАСИХОВСКАЯ Наталья Сергеевна

**КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Тюмень 2009

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Пашин Сергей Станиславович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Солодкин Янкель Гутманович

кандидат исторических наук, доцент
Суэтин Алексей Владимирович

Ведущая организация ГОУ ВПО «Южно-Уральский
государственный университет»

Защита состоится 13 мая 2009 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан «___» апреля 2009 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор*

З. Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Монашество, как реальное воплощение в жизнь христианских идеалов, возникло в III–IV вв. н.э. в Египте и связано с именами таких подвижников, как Антоний Великий, Макарий Египетский, Пахомий Великий. Затем монашество распространяется в Сирии, Палестине и Малой Азии, пройдя при этом довольно трудный путь.

Что касается вопроса о возникновении монашества на Руси, то большинство исследователей признают временем его появления период, следующий непосредственно за крещением Руси. Согласно Повести временных лет, уже в середине XI в., в период княжения Ярослава Мудрого, «чернорисца поча множитися и монастыреве почаху быти». Несмотря на то, что русское монашество впитало в себя египетские, палестинские и сирийские традиции, оно всегда оставалось глубоко национальным и самобытным. Историю средневековой Руси невозможно понять во всей ее полноте в отрыве от истории Русской Православной Церкви и, в частности, истории монашества.

Яркий след во всей русской истории оставил Киево-Печерский монастырь, с которым связано возникновение «истинного монашества» на Руси. Сегодня, ввиду повышенного внимания исследователей к истории Русской Православной Церкви, обращение к истории Киево-Печерского монастыря представляется актуальным. Во-первых, это был первый монастырь, который адаптировал на Руси греческий идеал святости и способствовал формированию основ монашеской жизни. Изучение истории иноческого жития, у истоков которого стоял Киево-Печерский монастырь, имеет огромное значение, прежде всего, для понимания особенностей генезиса монашества на Руси, как особой социальной группы; для сопоставления настоящего и прошлого – с тем, чтобы понять, что и как изменялось в монашеской жизни, что было безвозвратно потеряно в процессе исторического развития, а что получило «второе рождение» в эпоху Сергия Радонежского, с именем которого исследователи связывают возрождение древнерусского монашества.

Во-вторых, актуальность темы исследования определяется еще и тем, что такой значимый аспект истории Киево-Печерского монастыря, как повседневная жизнь монахов, длительное время не являлся предметом специального научного исследования. Для того, чтобы понять человека прошлого, все большее число исследователей обращается к изучению его повседневной жизни в различные исторические эпохи. Повседневность представляет собой одно из направлений исторического процесса. По выражению академика Ю.А. Полякова, «это и есть настоящая история, способная составить реальное представление о жизни людей в прошедшие эпохи, вместо господствующих схем».¹ Изучая историю повседневности, мы делаем человека главным действующим лицом, ставим его в центр исторического процесса. Поэтому одной из важнейших задач историка повседневности является воссоздание образа жизни человека в историческом разрезе, выявление общего и особенного, неизменного, сохраняющегося столетиями, и нового, ежедневно рождаемого буднями.

Исследователи изучают повседневность самых разных социальных групп. Среди них не последнее место занимают монахи – как западноевропейского средневековья, так и Руси XIV–XVI веков. В этой связи уместно вспомнить вышедшую в 2002 г. монографию Е.В. Романенко «Повседневная жизнь русского средневекового монастыря». Что касается домонгольского периода истории русского монашества, непосредственно связанного с Киево-Печерским монастырем, то он остался практически без внимания.

Актуальность избранной темы не ограничивается отсутствием специальных монографических трудов. Исследователи монашества домонгольской Руси вынуждены обращаться к давно известным науке средневековым памятникам и не питают иллюзий по

¹ Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125.

поводу возможного расширения источниковой базы. Поэтому важное значение приобретает поиск новых подходов к изучению и интерпретации уже известных исторических источников. Однако даже современные исследователи монашества домонгольской Руси практически не используют возможности антропологического и герменевтического подходов.

Объектом исследования являются Киево-Печерский монастырь как церковная организация и его обитатели как особый социокультурный элемент древнерусского общества. **Предметом** исследования выступают не только основные события истории Киево-Печерского монастыря, но и повседневная жизнь монашествующей братии: быт, распорядок дня, одежда, пища, трудовые послушания, отношения между монахами и отношения монастыря и мира.

Хронологические рамки работы охватывают период со второй половины XI до первой половины XIII века. Этот временной промежуток «выделяется в рамках особого периода в русской истории, получившего название “Домонгольская Русь” и характеризующегося возникновением и развитием первых государственных образований, культурным единством и определенной устойчивостью социальных и этнических процессов».² Нижняя граница исследования обусловлена летописным упоминанием о возникновении монастыря в 1051 г. Верхняя граница определяется тем, что в 1240 г., в ходе осады Киева монголо-татарами, монастырь был практически полностью разрушен и длительное время после этого находился в совершенном запустении и упадке.

Состояние научной разработки проблемы. История древнерусских монастырей и монашества становится предметом изучения в трудах историков только с XIX века. В XIX столетии наметился круг основных вопросов, которые продолжают привлекать внимание исследователей до настоящего времени. Начальной истории Киево-Печерского монастыря и того, как была устроена жизнь в его стенах, так или иначе, касались многие исследователи. Однако повседневная жизнь киево-печерских монахов и монастырский быт довольно длительное время не являлись предметом специального научного исследования, хотя некоторые аспекты повседневности в той или иной степени затрагивались многими учеными при обращении к истории Киево-Печерского монастыря домонгольского периода.

Для Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского характерно несколько возвышенное представление о монастыре, его идеализация. Историки затрагивали, главным образом, вопросы, связанные с основанием и ранней историей «славного» Киево-Печерского монастыря, рассматривая его как образец нравственности и благодетели, центр средоточия духовной жизни Киева.

Для П.С. Казанского предметом изучения стала история русского монашества до времен Сергия Радонежского. Рассматривая условия возникновения и истоки монашества на Руси, исследователь обращается к истории Киево-Печерского монастыря, подчеркивая его роль как «начальника и рассадника русского иночества», а, кроме того, обращается к вопросу о регламентации внутримонастырской жизни, ставя в заслугу игумену Феодосию принятие Студийского устава и организацию первого на Руси иноческого общежития.³

Достаточно широкий круг проблем, связанных со временем возникновения и устройством первых древнерусских монастырей, поднимается митрополитом Макарием (Булгаковым) в его фундаментальном труде «История русской церкви». Работа носит обобщающий характер и содержит полное описание древних обителей, причем значительное место отводится истории возникновения первых крупных монастырей на Руси, к числу которых автор относил и Киево-Печерский монастырь, основание которого он называет «весьма важным событием по своему обширному влиянию на судьбу нашей церкви».⁴

² Долгов В. В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII вв. Ижевск, 1999. С. 4.

³ Казанский П.С. История православного русского монашества, от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1855.

⁴ Макарий (Булгаков). История русской церкви: В 3-х кн. М., 1995. Кн. 2.

Большое значение для изучения монастырей и монашества имел труд Е.Е. Голубинского «История русской церкви». Эта работа содержит специальный раздел, посвященный истории монастырей, где автором затронуты различные проблемы возникновения монашества на Руси, сделан краткий обзор монастырских уставов, рассмотрены особенности управления и «средства содержания» монастырей. Помимо этого, уделяется внимание истории возникновения «знаменитейших» монастырей Древней Руси, к числу которых Е.Е. Голубинский, так же как и Макарий, причисляет Киево-Печерский монастырь.⁵

В увидевших свет на рубеже XIX–XX вв. обобщающих трудах по истории России М.С. Грушевского, С.Ф. Платонова, М.Д. Приселкова, М.В. Толстого, Н. Тальберга кратко говорится о приоритетах экономической и политической деятельности киево-печерских игуменов, перечисляются заслуги Киево-Печерского монастыря в деле просвещения и духовного воспитания общества, некоторое внимание уделяется описанию церковной жизни монахов, их иноческим подвигам.

Таким образом, период XIX–начала XX века в историографии можно охарактеризовать как этап накопления и оценки фактического материала. Поэтому появление работ обобщающего характера было вполне закономерно.

Для советской историографии характерно исследование Киево-Печерского монастыря в социально-экономическом аспекте. В работах Н.М. Гантаева, И.У. Будовница, Я.Н. Щапова, И.Я. Фроянова, основательному изучению подверглись проблемы становления и роста монастырского землевладения.⁶

Политическому аспекту деятельности киево-печерских игуменов уделяли внимание А.Н. Насонов и В.Т. Пашуто. Как опору византийского влияния на Руси Киево-Печерский монастырь рассматривал А.М. Сахаров. По его мнению «летописи, составленные в Киево-Печерском монастыре, проводили идею о том, что христианство пришло на Русь из Византии, благодаря греческим церковникам. Такая позиция печерских монахов не соответствовала политическим интересам многих киевских князей».⁷ Б.Д. Греков, А.С. Хорошев, В.Ф. Пустарников, напротив, рассматривали историю Киево-Печерского монастыря через призму борьбы с влиянием митрополитов-греков.⁸

На аристократический характер киево-печерского монашества указывали Н.М. Гантаев, Н.С. Гордиенко, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, отмечая при этом тот факт, что в монастыре имелось большое количество выходцев из богатых семейств и знатных родов: княжеских, боярских, купеческих. Именно они стояли во главе монастыря и направляли его деятельность. Более того, историки подчеркивали значение Киево-Печерского монастыря как «кузницы кадров» православного духовенства, колыбели монашеской жизни и культурного общенационального центра, ставшего средоточием образованности, своего рода средневековым университетом или духовной академией, куда охотно поступали сыновья крупных вельмож, стремившихся сделать карьеру.

Первой попыткой изучения монастырского образа жизни стала книга Б.А. Романова. Занимаясь изучением быта и нравов разных социальных групп домонгольской Руси, историк обращается к монашеству, как к одной из таких групп, пытаясь выявить характерные для ее представителей черты повседневности. Исследования Б.А. Романова нашли свое продолжение в работе Г.Г. Прошина, который пытался дать оценку деятельности и идеалов православного монашества, методов воздействия монастыря на верующих, рассматривая его

⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1997. Т. 1. Ч. 2.

⁶ Гантаев Н.М. Церковь и феодализм на Руси. М., 1960; Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966; Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989; Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Второе изд. Ижевск, 2003.

⁷ Сахаров А.М. Церковь в период феодальной раздробленности // Христианство и Русь. М., 1988. С. 47–68.

⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986; Пустарников В.Ф. Философские идеи в религиозной форме общественного сознания Киевской Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 204–262.

как своеобразный идеологический институт, ориентированный на пропаганду религиозного мировоззрения.⁹

Вопросам культурной жизни монастыря уделяли довольно много внимания В.Н. Лазарев, Н.Н. Воронин, П.А. Раппопорт, А.И. Комеч. В их работах нашли отражение вопросы, связанные с постройкой Успенского собора Киево-Печерского монастыря, иконописанием, мозаиками. Подчеркивалось значение монастыря в деле переписывания книг и создания литературных памятников.

Таким образом, в советской историографии во многом находит продолжение проблематика предшествующего периода, появляются новые приоритеты в изучении истории Киево-Печерского монастыря, которая освещалась избирательно и довольно поверхностно. Исследователи, как правило, рассматривали проблемы социально-экономической истории, сосредоточив свое внимание на формировании монастырского землевладения и социальном происхождении монахов. Менее интенсивно изучались вопросы нравственного и просветительского влияния монастыря на древнерусское общество. Наряду с этим, советская историография не чуждалась вопросов изучения монастырского быта, однако специальных работ по этой теме создано не было.

В отличие от советских историков, зарубежные исследователи гораздо больше внимания уделяли нематериальной стороне жизни киево-печерских монахов. Для Г.В. Вернадского, Г.П. Федотова, А.В. Карташева характерны изучение русской святости, как особой традиции духовной жизни, попытки осмыслить нравственный идеал монашества.¹⁰

Работы, касающиеся постсоветского времени сводятся, главным образом, к общим обзорам по истории русской церкви и общественного сознания Древней Руси.¹¹ Пожалуй единственным специальным исследованием стала диссертация Е.С. Харина.¹² Изучая монашество домонгольской Руси, особенности бытового уклада и образа жизни, этот автор основывается, главным образом, на анализе источников канонического права и агиографических сочинений. При этом, придерживаясь позитивистских взглядов и будучи православным священником, он воспринимает содержание источников буквально, не подвергая их должной критике.

Таким образом, несмотря на достаточно обширный и разнообразный круг исследований, в которых в той или иной степени затрагивалась изучаемая тема, до настоящего времени отсутствует комплексное исследование о начальной истории Киево-Печерского монастыря.

Источники. Основу настоящего исследования составляют нарративные источники: летописи, памятники агиографии, произведения нравоучительной литературы Древней Руси (Житие Феодосия Печерского, Киево-Печерский патерик, Поучения Феодосия Печерского и др.); а также Студийско-Алексиевский устав. В качестве дополнительных источников привлекаются переводные произведения византийской агиографии (Житие Саввы Освященного и Синайский патерик) и Библия.

Основными источниками, содержащими сведения по истории Киево-Печерского монастыря, являются летописи. Повесть временных лет доводит изложение событий только до начала второго десятилетия XII в.; в ней сохранилось около десятка известий по истории Киево-Печерского монастыря: об его основании в 1051 г., о кончине игумена Феодосия в 1074 г., о перенесении мощей Феодосия Печерского в 1091 г., о разорении монастыря

⁹ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 1966; Прошин Г.Г. Черное воинство. Русский православный монастырь: Легенда и быль. М., 1988.

¹⁰ Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1990; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: В 3-х т. М., 1997. Т. 1; Вернадский Г.В. История России: В 3-х кн. М., 1992. Кн. 2.

¹¹ Никон (иеромонах). Монашество и монастыри на Руси X–XII вв. // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 23–35; Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995; Монашество и монастыри в России: XI–XX века. Исторические очерки. М., 2005; Стефанович П.С. Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 41–60; Грицак Е.Н. Памятники Древнего Киева. М., 2005; Долгов В.В. Представления об обществе в картине мира населения древней Руси XI–XIII вв.: Дис. ... д.и.н. Ижевск, 2008.

¹² Харин Е.С. Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: Быт и нравы: Дис. ... к.и.н. Ижевск, 2008.

половцами в 1096 г. и ряд других. Несмотря на то, что ПВЛ возвеличивала подвиги основателей монастыря, тем не менее, она дает возможность датировать многие события начальной истории монастыря.

Что касается жизни монахов во втором десятилетии XII–первой половине XIII в., то для изучения истории монастыря этого периода основное значение имеют известия таких летописей, как Лаврентьевская, Радзивиловская, Ипатьевская, Московский летописный свод конца XV в., Троицкая, Новгородская Первая, Львовская и Никоновская летописи, Тверской сборник, Владимирский летописец.¹³ Здесь можно найти сведения о смерти и поставлении игуменов, статьи об игуменах как княжеских посланниках, о встречах князей в стенах монастыря, о вкладышах, о возведении монастыря на степень архимандритии и т.д.

Едва ли не все события по истории Киево-Печерского монастыря и повседневной жизни его обитателей в третьей четверти XI в. находят то краткое, то более подробное описание на страницах Жития Феодосия Печерского, составленного в 80-х годах XI в. монахом Нестором. Житие содержит немало данных, позволяющих судить о монастырском быте, хозяйстве, характере взаимоотношений игумена и киевских князей. Все повествование подчинено единой цели – восхвалению Феодосия, поэтому достоверность многих известий нуждается в проверке.

Другим важным источником является Киево-Печерский патерик – сборник рассказов о монастыре и его обитателях, подавляющее большинство сюжетов которого связано со второй половиной XI–началом XII в.¹⁴ Начало формирования Патерика относится к 20-м годам XIII в. Однако, как литературный сборник особого состава, имеющий свою программу изложения материала и определенный принцип организации произведений внутри свода, памятник сложился только во второй половине XV в. Несмотря на наличие традиционных агиографических мотивов, Патерик дает богатый материал об экономической и политической жизни монастыря, сообщает немало фактов, характеризующих быт и социальное происхождение монахов.

Для реконструкции повседневной жизни монахов и монастырского быта большую ценность представляют произведения нравоучительной и богословской литературы (Поучения Феодосия Печерского, «Слова и поучения» Кирилла Туровского),¹⁵ которые содержат значительное число сведений о правилах внутреннего распорядка и иноческого поведения, предписаниях монастырской дисциплины. Некоторые представления об искажении иноческого поведения и ослаблении положений строгого общежитийного устава дает «Похвала» Феодосию Печерскому – памятник древнерусского эпидиктического красноречия конца XI в.

Одним из главных источников при изучении богослужения и монашества в ранний период истории русской церкви является Студийско-Алексиевский устав, представляющий собой древнерусский перевод греческого текста Типикона патриарха Алексия Студита.¹⁶ Текст рукописи состоит из двух частей: литургической и дисциплинарной. В первой части изложены содержание и порядок церковных служб; во второй – указаны правила жизни и быта монахов. Для настоящего исследования наибольший интерес представляет именно дисциплинарная часть Студийско-Алексиевского устава, в которой содержатся сведения о суточном распределении времени, об одежде, пище, трудовых послушаниях, молитвах монахов.

Для более глубокого понимания структуры, замысла, идейной направленности упомянутых выше памятников, в качестве дополнительных источников нами привлекаются

¹³ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1; М., 1962. Т. 2; М., 1965. Т. 9-10; М., 1965. Т. 15; М., 2005. Т. 20; М., 1949. Т. 25; ПСРЛ. Т. 30; Л., 1989. Т. 38; Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002.

¹⁴ Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 413–627.

¹⁵ Поучения и молитва Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб, 1997. Т. 1. С. 434–456; Слова и поучения Кирилла Туровского // Там же. СПб., 1997. Т. 4. С. 142–206.

¹⁶ Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

переводные произведения византийской агиографии – Житие Саввы Освященного и Синайский патерик,¹⁷ которые были хорошо известны на Руси и использовались древнерусскими агиографами в качестве образцов при составлении собственных сочинений. Авторы Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика при описании жизни и подвигов печерских старцев, с целью дать нравственную оценку их деятельности, проводили параллель между великими основателями монашества в Египте и Палестине и основателями Киево-Печерского монастыря, нередко цитируя целые фрагменты из Жития Саввы Освященного и Студийско-Алексиевского устава. Обращение к этим произведениям как авторитетным свидетельствам прошлого было вызвано и тем, что древнерусские авторы не знали действительных обстоятельств и подробностей из истории Киево-Печерского монастыря и жизни его обитателей. В этих же целях агиографы достаточно широко используют текст Библии – главным образом, новозаветные сюжеты. Стремясь подчеркнуть божественную природу Киево-Печерского монастыря, уподобляя первых печерских монахов апостолам, составители Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика особенно часто обращаются к цитированию Евангелия от Матфея и Псалтири.

Целью настоящего исследования является изучение истории становления и развития Киево-Печерского монастыря, а также повседневной жизни его обитателей, начиная с момента основания монастыря и до середины XIII в., с тем, чтобы, с помощью детального анализа всех имеющихся источников, установить основные тенденции и факторы, которые, так или иначе, оказывали влияние как на Киево-Печерский монастырь, так и на повседневную жизнь его обитателей.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- изучить начальную историю Киево-Печерского монастыря и выявить основные этапы в его становлении и развитии в домонгольский период;
- установить социальное происхождение монахов и определить степень влияния этого фактора на внутримонастырскую жизнь;
- реконструировать по имеющимся источникам особенности быта и образа жизни киево-печерских монахов;
- изучить отношения монастыря с внешним миром.

Методология исследования. В основе настоящего исследования лежит историко-антропологический метод, подразумевающий внимание к личности человека, его мировосприятию, определяемой им системе поведения, ценностям, воображению, символам. Особое значение имеют наблюдения М. Блока о средневековых житиях святых как «стилизированных биографиях», среди которых, «по меньшей мере, три четверти не дают нам никаких серьезных сведений о благочестивых личностях, чью жизнь они должны изобразить».¹⁸

Применение историко-антропологического метода обусловлено тем, что в центре нашего внимания оказалась определенная социальная группа как общность людей, которые не только соответствуют некоему набору социологических характеристик, но и обладают определенным групповым самосознанием. Таким образом, применение подобного подхода дает основания для осуществления историко-культурных, социальных, бытовых, экономических и мировоззренческих реконструкций.

Для уточнения и дополнения созданной в процессе исследования модели повседневной жизни киево-печерских монахов необходимо привлечение дополнительных методов исследования, среди которых первостепенное значение приобретает герменевтический подход. Задача герменевтики состоит в том, чтобы объяснить смысл текста, исходя из мировоззренческих устоев создателя известия. Данный подход призван раскрыть утаенный для современного читателя смысл написанного. Главным приемом

¹⁷ Помяловский И.В. Житие святого Саввы Освященного составленное святым Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе по рукописи Императорского общества любителей древней письменности. СПб., 1890; Синайский патерик (текст и палеографическое описание). М., 1967.

¹⁸ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 36, 38.

работы выступает центонно-парафразный принцип текстологического анализа, который был апробирован на материалах раннего русского летописания И.Н. Данилевским. «Произведение, основанное на центонном принципе, помимо буквального, имеет несколько скрытых смысловых уровней, каждый из которых может быть восстановлен посредством специального анализа. При этом особое значение приобретает выявление цитат, формирующих текст, выяснение их происхождения и исходного контекста».¹⁹

Использование герменевтического подхода является необходимым условием для осуществления более полного анализа источников, имеющихся в нашем распоряжении, с тем, чтобы выявить и интерпретировать их семантическое поле и символическое содержание самого характера повествования.

Применение хронологического метода обусловлено длительным временным промежутком, выбранным для исследования и требующим рассмотрения процессов по периодам. Анализ повседневной жизни потребовал сравнения аналогичных процессов, происходивших в монастыре на разных этапах его развития, с тем, чтобы выявить возможные изменения и проследить эволюцию не только монашества, но и монастыря как церковной организации.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые предпринята попытка монографического исследования истории Киево-Печерского монастыря в домонгольский период, а также новизной избранного подхода к анализу предмета исследования, в рамках которого повседневная жизнь киево-печерских монахов рассматривается как система, складывающаяся из ряда факторов, взаимообуславливающих друг друга. Исследование всех факторов в их совокупности и каждого в отдельности позволяет изучить объект многопланово и всесторонне и при его реконструкции получить более объемную модель. Кроме того, появляется возможность проследить динамику развития и определить степень влияния каждого из факторов как на формирование, так и на изменение повседневной жизни в случае возможной деформации одного из них.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования ее материалов при создании обобщающих научных трудов и учебных пособий по истории средневековой Руси, истории русской культуры и церкви.

Апробация работы. Работа была удостоена малой золотой медали РАН с премиями для молодых ученых и студентов высших учебных заведений России за лучшую студенческую работу в области истории (Москва, 2006). Ряд изложенных в диссертационном исследовании положений апробирован в форме докладов на I Всероссийском съезде историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 2007), III Международной научно-практической исторической конференции молодых исследователей «Традиционные общества: неизвестное прошлое» (Челябинск, 2007), Всероссийской научно-практической конференции «Историк и его эпоха» (Тюмень, 2007), V Всероссийской научной конференции «История идей и история общества» (Нижевартовск, 2007), Всероссийской научной конференции «Мавродинские чтения–2008» (Санкт-Петербург, 2008), IX Всероссийской научной конференции молодых историков «Диалог культур и цивилизаций» (Тобольск, 2008).

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обосновываются актуальность темы и ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, указываются хронологические рамки, формулируются цель и задачи работы, характеризуются состояние научной разработки проблемы и источниковая база, излагается методология исследования.

¹⁹ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 61.

Первая глава «СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI–ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII ВЕКА)» построена по хронологическому принципу изложения и структурирования материала. Это позволило, во-первых, проследить эволюцию монастыря как церковной организации; понять, что было привнесено каждым из игуменов в развитие монастырской жизни и улучшение быта монахов, и, во-вторых, выделить периоды в истории Киево-Печерского монастыря в рамках временного промежутка, выбранного для исследования. Глава состоит из трех параграфов, каждый из которых соответствует определенному периоду.

В первом параграфе **«Период становления Киево-Печерского монастыря (1051–1062 гг.)»** рассматриваются события начальной истории обители с момента ее возникновения в 1051 г. – в «малой пещерке» в окрестностях Киева – до начала поставления наземного монастыря. На этот период приходится игуменство Антония и Варлаама, которые заложили основы будущего монастыря. Подвижническая жизнь Антония Печерского превращает его из простого отшельника в довольно известную личность, пользующуюся вниманием представителей княжеского дома, боярских кругов и простого люда. В 1050-е годы к Антонию пришли и постриглись первые иноки: Никон, Феодосий и Моисей Угрин. Чуть позже в пещеру к жившим там старцам пришли и приняли постриг сын боярина Иоанна (под именем Варлаама) и «каженикъ некто от князя дому» (под именем Ефрема). Постриг последних вызвал гнев киевского князя Изяслава Ярославича и чуть было не стал концом зарождающегося монастыря. Этот конфликт и последующее примирение князя с монашеской братией привлекли к пещере и подвижникам достаточно много внимания. Постепенно количество желающих принять монашеский образ увеличивается и достигает по одним данным – двенадцати, а по другим – пятнадцати человек. Монахи своими руками расширили пещеру и устроили в ней церковь и кельи.

Некоторое время спустя привыкший к одиночеству Антоний поставил братии игуменом Варлаама, а сам удалился на другую гору, где выкопал пещеру и продолжил свою аскетическую жизнь. Именно в игуменство Варлаама (1061–1062) началось возведение наземного монастыря, для чего братия предусмотрительно запаслась разрешением князя Изяслава занять гору, что над пещерой. Однако в силу ряда причин Варлаам успел построить лишь небольшую деревянную церковь над пещерой и обнести территорию будущего монастыря оградой. Вскоре, по желанию князя Изяслава, Варлаам был «выведен на игуменство» в Дмитриев монастырь, а новым настоятелем киево-печерской братии, «числомъ 20», стал Феодосий.

Во втором параграфе **«Киево-Печерский монастырь в период игуменства Феодосия и его преемников (1062–1112 гг.)»** основное внимание уделяется деятельности игуменов Феодосия, Стефана, Никона, Иоанна и Феокиста, направленной на достижение внутреннего благоустройства и процветания обители, а также обустройство монашеского быта. Приход на игуменство Феодосия открывает собой новый период в истории Киево-Печерского монастыря, связанный с введением Студийского общежительного «истинно монашеского» устава и дальнейшим расширением границ обители. В 1073 г. была осуществлена закладка большой монастырской церкви «въ имя святыя Богородица и приснодевы Марии», и началось строительство новых келий для все увеличивающейся братии. Киево-Печерский монастырь был неоднократно вовлечен в политические конфликты, в которых игумен и братия часто занимали активную позицию, выражая свое несогласие с княжеской политикой. Наиболее ярко это проявилось в событиях 1073 г., когда Святослав и Всеволод Ярославичи выступили против своего старшего брата Изяслава, отняв у последнего киевский престол. Феодосий выступил с обличением Святослава, обвинив его в нарушении крестного целования.

После смерти в 1074 г. Феодосия игуменом Киево-Печерского монастыря стал избранный всей братией Стефан. Он не только завершил строительство Успенского собора, но и построил вокруг новой церкви кельи, создав как бы новый монастырь, и перевел сюда монахов из старого монастыря, а на прежнем месте оставил только несколько иноков, чтобы

они ежедневно совершали литургию по усопшим. Оба монастыря, новый и старый, Стефан обнес стеной, так что они составили единый монастырь. Однако некоторое время спустя Стефан был изгнан из монастыря.

Новым игуменом монахи единогласно избрали старейшего из братии – Никона, за время настоятельства которого были завершены все работы по отделке и росписи Успенского собора, а чин освящения состоялся уже при игумене Иоанне. По инициативе последнего из пещеры в главную монастырскую церковь около 1091 г. были перенесены мощи Феодосия Печерского. В 1096 г. монастырь был razoren и практически полностью выжжен во время опустошительного набега половцев, однако уже год спустя здесь начались восстановительные работы. За обличение княжившего в Киеве Святополка Изяславича игумен Иоанн был сослан в Туров.

Широкое строительство новых зданий на территории монастыря велось при игумене Феоктисте (90-е годы XI в. – 1112 г.). В это время была возведена церковь Святого Михаила, завершено строительство трапезной. Феоктистом вновь был поднят вопрос о канонизации Феодосия. Эта просьба была поддержана киевским князем Святополком Изяславичем, а сам акт канонизации Феодосия поднимал значение обители в общерусском масштабе и укреплял всю предыдущую работу монастыря.

В третьем параграфе **«Киево-Печерский монастырь в 1113 г. – первой половине XIII века»** рассматриваются причины утраты монастырем былого признания. Если верить летописям, в игуменство преемника Феоктиста, Прохора, произошла резкая перемена в положении Киево-Печерского монастыря – он надолго лишается опеки и защиты княжеского дома, особенно после вокняжения в Киеве Владимира Мономаха.

В 30 – 90-е годы XII в. Киево-Печерский монастырь не раз становился местом встреч и переговоров русских князей, выступал посредником в урегулировании междоусобных конфликтов, игумены неоднократно становились княжескими посланниками, наконец, в начале 70-х годов XII в. монастырь был возведен на степень архимандритии, а его настоятель получил сан архимандрита. В 1240 г., во время монголо-татарского нашествия, Киево-Печерский монастырь был полностью разрушен и длительное время находился в полном запустении.

Вторая глава «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КИЕВО-ПЕЧЕРСКИХ МОНАХОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI–ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII ВЕКА)» посвящена реконструкции особенностей повседневной жизни киево-печерских монахов. Основное внимание уделяется выявлению и характеристике внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на образ жизни и поведение киево-печерских монахов и определяющих правила, нормы и особенности их повседневной жизни. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Социальное происхождение монахов»** исследуются социальное происхождение и имущественное положение киево-печерских монахов – вопросы, которые тесно связаны с образом жизни и особенностями взаимоотношений внутри монашеского коллектива. Несмотря на то, что жизнь в монастыре предполагала полное равенство всех братьев во Христе и отсутствие привилегий, человек, приняв монашеские обеты, не мог в одночасье отказаться от своего прежнего состояния, от своего происхождения и положения, занимаемого в обществе. Поэтому мирская жизнь продолжала оказывать большое влияние на монахов, которые стремились к созданию привычных для себя условий материального благополучия. Это, в свою очередь, крайне отрицательно отражалось на повседневной жизни монашеской общины в целом.

Черноризцы Киево-Печерского монастыря были собраны едва ли не со всех русских земель. Среди монахов, помимо киевлян, мы видим выходцев из Курска, Торопца, Чернигова, Полоцка. В их числе варяги, венгры, половцы, армяне и даже сирийцы. Сюда стекались представители самых разных социальных групп, но преобладали выходцы из боярской среды.

Второй параграф «**Монастырский быт**» посвящен изучению монастырского образа жизни и его составляющих: суточного распределения времени, одежды, пищи, трудовых послушаний, молитв, отношений между монахами, материального обеспечения братии.

Монашеский образ жизни был детально регламентирован и имел свои особенности. Он характеризовался существованием достаточно строгих порядков, закрепленных положениями Студийского устава, введенного в монастыре стараниями игумена Феодосия. Быт монахов определялся основными правилами общежитийного монастыря: все иноки должны пользоваться только самыми простыми и необходимыми вещами, и ничего не иметь в своей собственности. Все ритуалы и правила были направлены на выработку определенного типа поведения.

Предписывалось самое строгое послушание, ибо от него зависело нормальное течение монастырской жизни. Распорядок дня в монастыре был с величайшей тщательностью расписан буквально по часам и минутам, от момента пробуждения и до отхода ко сну. Согласно Уставу, долгий день монаха начинался приблизительно около полуночи, когда пономарь обходил кельи и поднимал иноков для совершения службы полуночницы, по завершении которой следовало поучение настоятеля или кого-либо из «старшей братии». Вернувшись в кельи, иноки выполняли так называемое келейное правило. Около пяти часов утра монахов вновь созывали на службу, так как наступал час заутрени. Во время богослужения не разрешалось покидать церковь без крайней необходимости, прежде чем будет произнесена последняя молитва. Свершив заутреню и канон, братия вновь расходилась по своим кельям. Однако, несмотря на существование таких строгих правил, в источниках довольно часто встречаются упоминания о спящих во время богослужения монахах. После совершения божественной литургии и пения часов, братия, получив благословение, шла в трапезную на постный обед. Затем все расходились на послушания, так что каждый монах был занят каким-то делом.

Колокол собирал иноков около полудня. Поев немного хлеба, они вновь обращались каждый к своему делу, а затем собирались в храм с заходом солнца, когда наступало время новой службы – вечерни. После окончания службы монахи из храма направлялись в трапезную на ужин, по завершении которого снова возвращались в церковь для совершения новой службы, повечерицы, по окончании которой расходились по кельям. Занятия братии в кельях состояли в молитве, чтении и пении псалмов, рукоделии, переписывании и изготовлении книг.

Братии в кельях не позволялось держать ничего своего: ни пищи, ни одежды (помимо предписанной уставом), ни другого какого-либо имущества. В монастыре существовало строгое правило, запрещавшее инокам ходить друг к другу в кельи и беседовать после окончания повечерия. Желая знать, как монахи проводят свободное время, игумен Феодосий имел обычай обходить все кельи. Таким образом, большую часть дня занимали послушания и молитвы, так как повседневная жизнь монахов обретает свое истинное значение лишь в молитве и богослужении.

Кроме молитв, церковных служб и послушаний, не менее существенными особенностями монастырского быта выступали одежда и пища. Одежания монахов, как всякая форменная одежда, были призваны демонстрировать миру и воспитывать в самом иноке определенные жизненные ценности, определенное мироощущение. В монастыре, как правило, все носили одинаковую и самую простую одежду, лишённую всякой внешней привлекательности, украшений, нарядности. «Чернеческие черные ризы» можно рассматривать как своеобразный мистический аналог воинской формы, ибо монашество – это воинство Христово. Среди атрибутов монашеского костюма следует назвать «свиту из грубой ткани» и «власяницу». Власяница не являлась обязательным атрибутом монашеской одежды, и монахи носили ее по собственному желанию. Очевидно, ее ношение следует рассматривать как один из видов монашеского подвига. На голове монахи носили либо клобук, либо куколь, обувались в сандалии или башмаки. В зимнее время для защиты от холода Устав предписывал монахам носить «свиты» из толстого, плотно сотканного сукна.

Все элементы монашеского костюма были глубоко символичны. Даже черный цвет монашеского одеяния считался знаком смирения и печали, знаком отречения от мира. Облачаясь в черные ризы, монах словно умирал для мира, ради спасения души и служения богу.

Монастырский устав определял количество и качество пищи, которая была очень простой. Пища не была одинаковой для всех монахов, потому что «одни были постниками, иные питались лишь хлебом и водой, а другие только вареными и сырыми овощами». Основу монашеского ежедневного рациона составляли «сырые овощи и сухой хлеб», «чечевица и вода», иногда к обеду подавали рыбу, вареную пшеницу с медом. Обычно монахи пили воду или квас. Вино, как правило, было предназначено для совершения церковных служб и божественных литургий. Упоминаний о том, что монахи пили вино, в источниках нет.

Социальная неоднородность братии накладывала определенный отпечаток на жизнь монашеской общины, определяла особенности взаимоотношений между монахами. Несмотря на принятие Студийского общежительного устава, «общежитие», каким виделся Феодосию Киево-Печерский монастырь, на практике не сложилось, ибо рядом уживались богатство и бедность, искреннее подвижничество и отнюдь не христианская алчность. Преемники Феодосия перестали со всей строгостью соблюдать уставные порядки. Началось довольно быстрое размывание внедряемых ранее норм монашеской жизни. Появился соблазн стяжательства, исказивший духовные представления. Многие монахи, поступавшие в монастырь, сохраняли при себе значительную часть своего имущества, некоторые «жизнь свою проводили в лености и грехах», иные выказывали непослушание игумену или покидали монастырь.

Что касается материального обеспечения братии, то она содержалась частью своими трудами, частью – приношениями. Согласно упоминаниям Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика, у монастыря существовало несколько источников материального благополучия: торговые операции на городском рынке; местное монастырское производство (огород, сад, пекарня); доходы с монастырских сел. Из источников видно, что монастырских ресурсов часто не хватало. Не раз случалось, что монахам не из чего было готовить еду, тогда приходилось идти на рынок. Следует отметить, что монахи не только покупали необходимые продукты, но и брали их у торговцев, так сказать, в долг. Но к этому средству монахи прибегали в тех случаях, когда не на что было купить «снедь». Иногда недостаток продуктов питания восполнялся за счет приношений богатых мирян.

В третьем параграфе «**Монастырь и мир**» в центре внимания оказались взаимоотношения монастыря с окружающим миром, с представителями разных социальных групп домонгольской Руси.

Монастырь нес в мир традиционные ценности и идеалы христианского служения: заботу о духовном спасении мирян, пастырство и учительство, заботу о бедных и больных. Оставаясь непонятными для значительной части древнерусского общества христианизируемой Руси XI–XII вв., идеалы и традиции монашеской жизни вызвали неоднозначное отношение, как к монастырю, так и к его обитателям. Источники дают нам множество примеров того, как люди разного общественного положения избирали печерских старцев в качестве своих духовных отцов, приходили в монастырь, исповедовались в грехах, а также давали часть своего имущества на устройство монастыря.

Часто в монастырь обращались с просьбами о заступничестве. В этом, видимо, проявилась еще одна сторона взаимоотношений монастыря с миром. На страницах Киево-Печерского патерика сохранилось немало ярких эпизодов, рассказывающих о том, что монахи стремились не только к созерцательной жизни, но и к деятельности апостольской, принимая на себя заботы о бедных, больных и нищих. Монастырские врачи помогали не только болевшим монахам, но и мирянам. Однако эти услуги не были такими уж бескорыстными. От исцелившихся поступали щедрые вклады. С заботой о бедных и больных

было связано строительство особого двора около монастыря с церковью во имя святого первомученика Стефана, на содержание которого давалась десятая часть монастырских доходов.

На страницах Повести временных лет, Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика мы можем найти немало примеров почтительного отношения к монахам со стороны князей и бояр. Однако в XI–начале XII в. отношения обители с князьями не были такими уж безоблачными. Печерские иноки осуждали княжеские усобицы, активно вмешивались в отношения между князьями, оказывая поддержку отдельным княжеским ветвям. Порой уважение, проявляемое тем или иным князем к монастырю, сочеталось с проявлением жестокости в отношении иноков: достаточно вспомнить Ростислава Всеволодовича, Святополка Изяславича и Мстислава Святополчича. Часто Киево-Печерский монастырь являлся местом погребения членов княжеских и боярских семей, что являлось прямым нарушением Студийского устава, запрещающего хоронить на территории монастыря не только монашествующих, но и жертвующих монастырю деньги и земли.

Из-за ветхости и бедности одеяний монахи нередко становились объектами для издевательств, поруганий и укоров со стороны мирян, которые, полагая, что черноризцы ведут праздный образ жизни, пребывая «всякий день без дела», относились к ним с явным предубеждением, недовольством, осуждением, а иногда и с суеверным страхом. Таким образом, можно сказать, что Киево-Печерский монастырь, несмотря на громкие заявления об отказе от всего мирского, всегда был ориентирован на внешний мир, на вмешательство в светскую жизнь.

В **заключении** подводятся итоги исследования и формулируются наиболее важные выводы. В ранней истории Киево-Печерского монастыря можно выделить 3 периода:

– 1051–1062 гг. – период становления монастыря;

– 1062–1112 гг. – период игуменства Феодосия и его преемников – Стефана, Никона, Иоанна и Феоктиста – время наиболее активного развития монастыря, когда, благодаря стараниям игуменов и поддержке, оказываемой монастырю киевскими князьями, удалось достичь внутреннего благоустройства и процветания обители;

– 1113 г. – первая половина XIII в. – период утраты монастырем былого признания, своеобразного «ореола святости», который во второй половине XI–начале второго десятилетия XII в. давал ему некоторые преимущества и основания претендовать на свою исключительность среди других русских монастырей. Начиная со второго десятилетия XII в., Киево-Печерский монастырь отходит на второй план, остается без княжеской опеки и защиты, поскольку политические взгляды киево-печерских игуменов зачастую не соответствовали реалиям политической ситуации, сложившейся на Руси в то время.

Важной составляющей повседневной жизни монахов являлось их социальное и имущественное положение к моменту появления в монастыре. Как правило, эти различия не исчезали за монастырской стеной: человек, приняв монашеские обеты, все равно продолжал оставаться под влиянием той среды, из которой происходил. Таким образом, отречение от прежнего образа жизни, по сути, было формальным, и многие обеспеченные монахи стремились к созданию привычных для себя условий материального благополучия, принося в монастырскую среду характерные для мирского общества мировоззрение и манеру поведения. Это оказывало негативное воздействие на особый уклад монастырской жизни, постепенно разрушая ее изнутри.

Жизнь монашеской общины, монастырский быт, определялись положениями Студийского общежительного устава, регламентировавшего все стороны жизни монахов: круг богослужений, одежду, пищу, последовательность выполнения монастырских работ, отношения внутри коллектива. Уставной распорядок дня был с величайшей тщательностью расписан буквально по часам и минутам, от момента пробуждения и до отхода ко сну. Большую часть времени монаха занимали молитвы, так как его повседневная жизнь обретала свое истинное значение лишь в молитве и богослужении. Занятия братии в келиях заключались в совершении молитв, чтении и пении псалмов, рукоделии. Монахам не

позволялось держать в кельях какие-либо вещи, кроме самых необходимых и предусмотренных уставом. Значительное место в распорядке дня монаха отводилось различным послушаниям, так как труд, наряду с постом и молитвами, являлся одним из действенных способов самодисциплины. Одежда монахов была простой, лишенной всякой внешней привлекательности, как правило, черного цвета и отражала главное в жизни монаха: бедность и смирение. Очень простой была и монастырская еда – несмотря на свою дешевизну, довольно разнообразная и максимально полезная.

Отношения между монастырем и внешним миром выражались, главным образом, в попечении игумена и рядовых монахов о духовном спасении мирян. Другой обязанностью игуменов было пастырство и учительство, забота о бедных и больных. Монастырь был очень продумано ориентирован на внешний мир и активно вмешивался в мирскую жизнь. Используя свое влияние и авторитет, печерские игумены нередко выступали посредниками в спорах между князьями, активно откликаясь на различные политические события в Киевской Руси. Отношение мирян к черноризцам было неоднозначным: с одной стороны, почтительность и уважение, с другой – явное предубеждение.

Применение герменевтического подхода к анализу и интерпретации главных источников по истории Киево-Печерского монастыря указывает на широкое использование их авторами цитат из памятников византийской агиографии и канонического права, а также из Библии, что ставит под сомнение достоверность многих описываемых в древнерусских источниках событий и не позволяет получить достоверную и детальную картину повседневной жизни киево-печерской братии. Основываясь на анализе доступных сведений, мы можем лишь предполагать, как протекала жизнь внутри монастырских стен много веков назад, какой она должна была быть, по мнению агиографов домонгольской Руси, но «как это было на самом деле» – нам, к сожалению, понять не дано.

СПИСОК РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Васиховская Н.С. Общежительство в Киево-Печерском монастыре (вторая половина XI–начало XII века) // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2006. № 8. С. 144–151 (0,4 п.л.).
2. Васиховская Н.С. Повседневная жизнь киево-печерских монахов в XI–XII веках // Инновации молодых: Работы лауреатов Всероссийского конкурса научно-технических и инновационных работ по гуманитарным наукам среди студентов высших учебных заведений. Иваново: Ивановский госуниверситет, 2003. Сб. ст. Ч. 3. С. 147–164 (0,8 п.л.).
3. Васиховская Н.С. Повседневная жизнь киево-печерских монахов в XI–XII веках // Федеральная итоговая научно-техническая конференция творческой молодежи России по естественным, техническим, гуманитарным наукам. Материалы конференции. М.: Московский государственный институт электроники и математики, 2003. С. 147 (0,1 п.л.).
4. Васиховская Н.С. Социальное происхождение и повседневная жизнь киево-печерских монахов в XI–XII веках // Сборник материалов лауреатов регионального конкурса студенческих научных работ 2004 года. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. С. 85–87 (0,1 п.л.).
5. Васиховская Н.С. Социальное происхождение киево-печерских монахов в XI–XII веках // Лучшие выпускные квалификационные работы 2005 года. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. Сб. ст. Ч. 2: Государственно-правовое и историко-документальное направление. С. 47–55 (0,6 п.л.).
6. Васиховская Н.С. Киево-Печерский монастырь и княжеская власть в XI–XII веках // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Вектор Бук, 2005. Вып. VIII. С. 51–56 (0,33 п.л.).

7. Васиховская Н. С. Киево-Печерский монастырь и древнерусское общество в XI–XII веках // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Вектор Бук, 2006. Вып. IX. С. 65–72 (0,45 п.л.).
8. Васиховская Н.С. К вопросу об особенностях источников по истории повседневной жизни киево-печерских монахов в XI–XII веках // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Вектор Бук, 2007. Вып. X. С. 9–16 (0,4 п.л.).
9. Васиховская Н.С. Памятники византийской литературы как источники Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика // Европа: Международный альманах. Тюмень: Мандр и К^а, 2007. Вып. VII. С. 30–38 (0,6 п.л.).
10. Васиховская Н.С. Киево-Печерский монастырь в XI–первой половине XII века: Проблемы становления и развития // Ученые записки МГПУ. Исторические науки. Вып. 6 (Отечественная история). Мурманск: Изд-во МГПУ, 2007. С. 36–44 (0,6 п.л.).
11. Васиховская Н.С. Повседневная жизнь киево-печерских монахов и памятники древнерусской литературы // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Київ: Інститут історії України НАНУ, 2007. Вып. 7. С. 152–164 (0,8 п.л.).
12. Васиховская Н.С. «Одежда не делает монахом» (об особенностях одеяния монахов Киево-Печерского монастыря) // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы III Международной научно-практической исторической конференции молодых исследователей. Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет, 2007. С. 54–58 (0,2 п.л.).
13. Васиховская Н.С. Герменевтический подход к изучению Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика // Историк и его эпоха: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Данилова. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. С. 32–34 (0,1 п.л.).
14. Васиховская Н.С. Памятники древнерусской агиографии и герменевтика // История идей и история общества: Материалы V Всероссийской научной конференции. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2007. С. 76–77 (0,1 п.л.).
15. Васиховская Н.С. Круг богослужений в Киево-Печерском монастыре (XI–XII вв.) // Диалог культур и цивилизаций. Материалы IX Всероссийской научной конференции молодых историков. В 2 ч. Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. Ч. 2. С. 10–14 (0,2 п.л.).